

Елена Ворон

ЧУЖАК И РОДЯ

Елена Ворон

Чужак и Рокот

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ворон Е.

Чужак и Рокот / Е. Ворон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Чужак и Рокот» — великолепный подарок для всех любителей славянского фэнтези. Далёкое, затерянное в древних временах и непроходимых лесах княжество, где каждый день ведут на казнь невинного человека. И казнь обязательно произойдёт, если только вину осуждённого не возьмёт на себя кто-то другой, тоже не имеющий к преступлению никакого отношения. И так длится уже не один год. Но как долго еще будет продолжаться этот ужасный фарс? И кто же истинный преступник? Какая зловещая тайна кроется за всем этим? И вот в столичный Велич-город приходит Разноглазый. Кто он — человек или кто-то ещё? И по плечу ли ему разгадка сразу нескольких невероятных тайн? Ищите ответы в новой книге замечательной писательницы Елены Ворон.

© Ворон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Елена Ворон

Чужак и Рокот

Плохо быть чужаком. Видишь, что и остальные, слышишь не хуже других – да только в толк ничего не возьмешь. Что происходит, зачем, почему оно так? Загадка.

Мил тряхнул головой. Тяжелая прядь черных волос, закрывающая правый глаз, качнулась и тут же вернулась на место. Густая, плотная завеса, которую удерживала у лица спрятанная в буйной гриве заколка. Впрочем, Мил и одним глазом видел лучше, чем иные – двумя. Стоящая рядом, в толпе притиснутая к Милу толстуха ворочалась, вставала на цыпочки, тянула пухлую шею, оглядывалась. Казалось: ищет кого-то в толпе, собравшейся поглазеть на казнь. Внизу на площади толклось простонародье, а резные балкончики каменных домов ломились от нарядно одетых дам и господ. Вокруг Мила многие озирались, словно именно здесь, среди взволнованных горожан, притаилось самое интересное. Ищущие взгляды натывались на рослого, приметного чужака в богатом плаще, задерживались на лице с закрывающей глаз длинной прядью, с любопытством изучали его либо тут же убегали в сторону, продолжая кого-то высматривать.

Низкое солнце золотило городские шпили и белые башенки на крышах домов побогаче, тусклым пламенем вспыхивало в немых чердачных оконцах домов победнее. Королевский дворец на зеленом холме сиял высокими окнами, словно внутри бушевал пожар; белокаменные стены в закатных лучах горели красным золотом, блистали позолоченные скульптуры на галереях. Холм был невысок, и прямо от городской площади ко дворцу вела широкая лестница из светлого камня, с тремя террасами. Нижняя терраса была совсем простая, следующая за ней – с затейливыми перилами, а верхняя уставлена по краям огромными чашами из цветного стекла – зелеными, синими, красными. Красных чаш было больше всего; они сверкали, точно рубины в драгоценном ожерелье.

Вдали, на фоне бледно-синего неба, золотились снежные вершины горной цепи. Внизу горы казались лиловыми, будто надели траур. С той стороны, из-за гор, пришел сюда Мил. Убежал от непоправимого. От своего горького горя.

А здесь – казнь.

Толпа ждала, волновалась все больше; озиравшиеся люди негромко переговаривались. Мил хорошо понимал слова, только не мог разобрать, о чем речь:

– Неваляев-то никого нет! Не хотят, поди, свой молодняк казнить.

– И Синики не пришли...

– Что брешешь? Вон тетка Сиников, под балконом Выш-Стрелицев.

– Ну, сказанул! Это ж Глажеля бабка. Притащилась глаза пялить. Старая, а ни разу еще не казнили.

– Э, больно Глажелям надо казниться! От них всего двое и были – старший самый да дочь-горбачка.

– Не ври. Еще мальчишку казнили... как его... тьфу! Ну, который припадочный, с бородавками.

– Крутени вообще не придут. У них уже всех переказнили, ходить больше незачем.

– Как – всех? Быть не может!

– А вот. Сказали: некому казниться, так чего ходить зря?

– Да что ж это деется?! – с обидой вскричала толстуха у Мила под боком. Снова заворочалась, толкая его мясистым бедром. – Скоро вовсе казнить будет некого!

– Чужаков приглашать станем, – нервно хохотнули в ответ.

Мил повел плечами, отодвигаясь от беспокойной тетки, проверил тощий кошель на поясе: висит себе, как висел, и обережка в нем спит. Ни один воришка еще не польстился.

Чуют, видать, что кошель только с виду хорош – расшит золотыми нитями – а внутри пустей порожнего. Если не считать обережки. Десяток тяжелых монет были защиты у Мила в подкладку плаща, да одна, заморская, с дыркой в середине, висела на груди под рубахой. Вот и все его состояние.

Толпа вдруг разом охнула, колыхнулась – и стихла. Казалось, весь Велич-город примолк, затаив дыхание. А ведь и впрямь не самый маленький город-то – тысяч десять человек будет.

С верхней террасы спускалась процессия: десяток солдат в красно-зеленых мундирах, с алебардами; офицер в красном, с серебряным позументом, при шпаге; за ним – осужденный на казнь, следом – еще пяток солдат. Мил пригляделся. Одет осужденный добротнo, как зажиточный лавочник или трактирщик, шагает спокойно, без понуканий. Ни цепей, ни ремней на ногах и руках. И палача не видно. И ни виселицы, ни плахи, ни сложенного костра.

Как же они тут казнят, в столице короля Доброяра?

И за что?

Мил поборол желание отвести от лица прядь волос и глянуть на мир обоими глазами. Не стоит этого делать без особой нужды; пусть даже никто на него не смотрит.

Процессия неторопливо двигалась к городу. Миновала среднюю террасу, что с затейливыми перилами, спустилась по светлым ступеням на нижнюю. Здесь офицер остановился, с ним рядом стал осужденный. Солдаты построились у них за спиной полукругом, двое крайних оказались чуть впереди, ближе к народу.

Толпа внизу шевельнулась – горожане перевели дух – и снова замерла в ожидании. На соседней улице зашлась было лаем собака, но смолкла, жалобно взвизгнув. Мил дернулся, как будто не пса, а его самого башмаком саданули под брюхо.

– Именем короля Доброяра Великодушного, – негромким скучным голосом начал офицер; слова едва достигали площади, – Живомир Бродень из рода Рыболобов будет предан смерти за жестокое надругательство над принцессой Вернией, совершенное в первый день Ленивого месяца тысячу триста двадцать шесть дней назад. Его вина бесспорно доказана и сомнению не подлежит. Последняя милость была оказана.

Офицер смолк с таким видом, словно выполнил нудную, набившую оскомину обязанность. Осужденный Живомир Бродень стоял выпрямившись, развернув плечи, и цепким взглядом осматривал горожан. Он тоже кого-то искал в толпе, как прежде – они. Высокий, благородный старик с окладистой бородой, со сбрызнутыми сединой волосами. Умное лицо, руки явно привыкли к тонкой работе. Не лавочник и не трактирщик, подумал Мил. Скорее, часовых дел мастер. Что такое он учудил тысячу триста двадцать шесть дней назад? Надо же, какой у них тут ведется учет... Что здесь считается «жестоким надругательством над принцессой», хотелось бы знать. Наверняка какая-нибудь чепуха, за которую именем Доброяра Великодушного у старика готовятся отнять жизнь.

Не удержавшись, Мил отвел от лица прядь волос, глянул особым зрением Разноглазых. Светлое Небо! Живомир Бродень ни в чем не повинен. Ни действием, ни помыслом он не оскорбил ни принцессу, ни прачку, ни последнюю нищенку. Мил решительно двинулся вперед, прокладывая себе путь сквозь толпу. Сейчас он наведет порядок. Остановит казнь, добьется приема у самого короля. То есть у принца, потому что король тяжело болен. Мил – Разноглазый, он имеет право. И не позволит казнить невиновного... Люди оглядывались удивленно и недоверчиво – и поспешно перед ним расступались, тут же плотно смыкаясь за спиной.

Взгляд Живомира впился Милу в лицо, затем брови изумленно вздернулись, старик несколько раз быстро моргнул.

Офицер шевельнул рукой, точно призывая нетерпеливого чужака не торопиться, и прежним негромким, скучным голосом проговорил:

– Есть ли здесь человек, готовый взять на себя вину Живомира Броденя из рода Рыболобов и ждать казни до следующего заката?

Мил остановился, не пробившись к нижней ступени лестницы. Лезть вперед расхотелось. Сочтут, что он берет на себя вину осужденного – хоть и нет ее, этой вины – да бросят в под-земелье. Требуй потом встречи с принцем до самого заката! А там еще, чего доброго, казнят за надругательство...

Молчаливая толпа горожан ожила, задышала, задвигалась. Люди переминались, ворочались, тянули шеи – опять кого-то высматривали. Кружевные чепцы, шляпки с цветами, мужские шапки так и колыхались – рослый Мил отлично это видел.

Офицер с утомленным видом ждал; бесстрастно ожидали застывшие полукругом солдаты. Тревожный взгляд побледневшего Живомира метался по лицам сограждан, порой возвращался к Милу. Дескать, что ж ты? Ведь уже тронулся с места. Так иди же, иди!

Мил не двигался. Разноглазые умеют не только видеть особым зрением, но и слышать особым слухом. Сейчас Мил расслышал чей-то плач – затаенный, безнадежный. А еще – мольбу о свободе. Или о смерти, потому что смерть означала свободу.

Кто это плачет и молит? Как ни вслушивался, Мил не сумел понять.

– Грохот, – пробежал вдруг по площади взволнованный говорок, – младший Грохот идет! Вон он, вон с краю!

По краю площади, вдоль дома с лепными мордами нестрашных зверей, пробирался некто малорослый. Милу была видна одна лишь макушка, повязанная белым платком. Люди охотно давали дорогу, теснились, наступая друг дружке на ноги; нарядные дамы и господа перегибались через перильца балконов, глядели вниз на того, кто шел взять на себя вину и ждать казни.

– Ай, молодец, Грохотенок, – одобрительно кивая, пробурчал чумазый мастеровой рядом с Милом. Косо глянул на чужака, непрямо укорил: – Идет-таки. Не струсил.

Младший Грохот наконец показался весь. Худосочный, кривоногий невеличка, и лет ему Мил дал бы от силы четырнадцать. Светлое Небо, ну что за нелепица! Мальчишка, которому 1326 дней назад было лет десять, берет на себя вину за «жестокое надругательство над принцессой». Ох, и порядки в этом королевстве...

Громко топая – башмаки-то не по ноге, болтаются, наверняка отцовские – младший Грохот прошагал по ступеням из светлого камня, остановился на нижней террасе, перед офицером, Живомиром и недвижным полукругом солдат. Обернулся.

– Я, – начал он глуховато, – Маслен Быстран из рода Грохотов, беру на себя вину Живомира Броденя из рода Рыболюбов и буду ждать казни как возмездия за содеянное до следующего заката! – Закончил мальчишка звонко и бодро, словно отбарабанил накрепко заученную фразу.

Горожане шумно радовались, дамы на балконах хлопали в ладоши, кто-то свистел, на соседней улице опять залаяла собака. Офицер передал Живомиру полотняный мешочек, завязанный шелковой тесьмой. Своим особым зрением Мил увидел: в мешочке гораздо меньше монет, чем должно быть, причем офицеру отлично ведомо, каким образом горсть серебра усохла по дороге от королевской казны до нижней террасы.

Старик направился вниз, а худосочного мальчишку взяли под стражу и повели наверх. Все тот же знакомый порядок: десять солдат впереди с офицером, осужденный на казнь, пятеро солдат замыкающих. Мила вдруг озарило:

– Они это каждый день проделывают? – осведомился он у чумазого мастерового, который как раз вытащил из кармана горсть мелких орешков и с удовольствием ссыпал их в рот.

– Ага, каждый день на закате. – Мастеровой жевал орешки, распространяя вкусный дух. – Уже тыща триста... Чего там? Двадцать шесть раз. Народ у нас добрый, своих в обиду не даст. Вину на себя берут, до казни дело никак не дойдет. А и ладно, – он усмехнулся, снова полез в карман за орехами. – Опять же, каждого покормят перед казнью. С королевского стола, не иначе! А потом денег отсыпят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.